

Поэтессе Вере Зубаревой присуждена муниципальная премия им. К. Г. Паустовского.

Если бы два месяца назад мне сказали, что 26 июня сего года я буду сидеть в украинском консульстве, то я бы просто не поверила «брехуну». «Я? В украинском консульстве? Да что мне там делать?» Однако я не только очутилась в этом почтенном заведении, но еще и перестраивала свои планы, дабы оказаться именно там и именно в это время. Так что же такое стряслось? Не собралась ли я случайно навестить «неньку Украину»? Отнюдь, поездка столь далеко в мои планы пока не входит. Итак, прямо объявляю причину столь невероятного для меня времяпрепровождения.

Поэтессе и писательнице, литературоведу и доктору наук, профессору Пенсильванского университета, автору шестнадцати книг на русском, английском и немецком языках (чей «Трактат об ангелах», если не ошибаюсь, был переведен на английский и немецкий), главному редактору интернет-журнала «Гостиная», Президенту Объединения Русских Литераторов (ОРЛИТА), лауреату разных конкурсов Вере Зубаревой присуждалась в означенный день (а именно 25 июня 2011 года) муниципальная премия имени Константина Георгиевича Паустовского, с коим Вера была связана одесской почвой и «томительностью» (как заметила одна из выступавших, а именно Нина Большакова, это слово часто встречалось в лексиконе писателя) музы. Вышеозначенная премия присуждалась за участие в литературном конкурсе имени писателя, и Вера ее получила за свой стихотворный сборник. Я не погрешу против истины, если скажу, что стены украинского консульства еще не видели столь изысканной культурной программы, которая не замедлила воспоследовать за вручением премии и обязательного фотографирования награжденной. Необходимо уточнить, что ранее стены эти были сви-

ЗНОЙНЫМ ЛЕТОМ В НЬЮ-ИОРКЕ...

детелями только организационных и деловых мероприятий, в полном согласии с духом серьезности данного заведения.

Выступление Веры было не только данью благодарности присутствующим членам литературного нью-йоркского сообщества и консулу Украины Богдану Мовчану, но также имело целью возвестить выход еще одной книги нашей героини, а именно стихотворного сборника «Гавань», так удачно этой весной отчалившего от одесского причала усилиями издательства «Фаворит».

Спешу заметить, что сборник этот был тепло встречен в родном городе Веры, несмотря на то, что автор книги была отделена от ее презентации всей ширию Атлантического океана. Итак, Вера Зубарева читала нам стихи об океане, ракушках, моллюсках, кораллах, волнах, облаках, Одессе (словом, обо всем том, что можно волей наблюдения и воображения вместить в гавань, не говоря уже об одноименной книге), и чтение это сопровождалось музыкальными композициями супруга Веры, Вадима Зубарева. После того, как океанская тема была вынужденно прервана (ибо океан неисчерпаем, чего не скажешь о консульском времени), под управлением «дирижера» Елены Литинской, Председателя Бруклинского Клуба Поэтов, был заслушан ряд нью-йоркских авторов - сочинителей прозы, стихов, авторских песен, пародий и статей и других «продуктов» духовного труда. Инна Богачинская, находящаяся в странствиях, передала аудио-поздравление, предрекая покорение будущих поэтических альпийских вершин виновницей торжества. Затем присоединились к поздравлениям те, кто находился в непосредственной близости к адресату. Автор данной замет-

ки, к примеру, вдохновилась известной песней, ставшей одесским гимном - «У Черного моря», приложив к бессмертной мелодии Модеста Табачникова свое, диктуемое моментом содержание. Бард Василий Кольченко отважно исполнил данное злободневное творение, присовокупив к нему новые песни,

грех было не посмеяться. На гребне поэтической фантазии Е. Литинская живо представила, как был бы счастлив седовласый классик, если б смог самолично наградить Веру, а А. Долинов пошел еще дальше и смело предположил, что автор «Золотой розы» был бы в восторге перевоплотиться в орден, дабы (умолчим далее из скромности...). Новые краски в поздравительную палитру добавили Нина Большакова, Ольга Збарская, Татьяна Щеголева и Татьяна Янковская. Словом, было интересно.

Литературную Филадельфию, помимо Веры Зубаревой, представляли редактор газеты «Еврейская жизнь/ Община» Инна Швец и поэтесса и писательница Елена Дубровина. Выступления искрились дебютами, новинками и духом доброжелательности и поэтического братства, сверкая, словно Черное море в солнечных лучах. После демонстрации литературных талантов все присутствующие поблагодарили почтенное заведение и его хозяев и продолжили общение, теперь уже неформальное, друг с другом и, конечно же, с героиней торжества. Словом, вручение премии прошло в теплой, дружественной обстановке и принесло всем огромное удовлетворение.

**Лиана Алавердова
30 июня 2011 г.**

От редакции

Сердечно поздравляем Веру Зубареву с награждением! Желаем ей дальнейших творческих успехов. Поздравляем также с присуждением еще одной награды: на прошедшей в этом месяце Международной книжной ярмарке «Зелёная волна» Вера Зубарева стала лауреатом в номинации «Поэзия» на конкурсе «Одесса на книжных страницах».

Консул Украины Богдан Мовчан вручает награду Вере Зубаревой

впервые увидевшие свет: песню на стихи Ахмадулиной «Я думала, что ты мой враг», известную украинскую народную песню «Карі очі чорні брови», а также новую песню собственного сочинения на чистой украинской мові. Выбор Беллы Ахмадулиной в качестве автора текста второй песни был отнюдь не случаен, но продиктован общением сегодняшней награжденной с ее великой современницей, которая предвидела появление «Гавани», некогда соотнеся стихи В. Зубаревой «с морем и побережьем, с хрупким чередованием блеска и тени».

Ирина Акс, Елена Литинская, Александр Долинов старательно снижали пафос юмористическими стихами, написанными по столь торжественному поводу столь забавным образом, что

Новая книга Веры Зубаревой «Гавань», изданная одесским издательством «Фаворит», презентация которой состоялась во Всемирном Клубе Одесситов, посвящена памяти отца, капитана дальнего плавания Кима Беленковича. Уже это посвящение памяти родного человека - обязывает. Не власть в фальшь! А фальшь - жизнь, которая в нас не переварена, не открылась, став внутри чистой и прозрачной, - и потому в стихах крикливая или высокопарная, театрализованная, нарядная, вычурная. Как трудно дожить, дораста до простого и высокого слова! Зубарева знает об этом и пишет: «Ничто не даётся так трудно душе, как стихи». Мне кажется, что простота куда труднее, чем, по её же словам, речь «на языке высоких аллегорий». Листая книгу, я открыл стихотворение «Холодный день, внезапный и осенний». «...Сегодня на столе/ лежала горстка мёртвой мошкары,/ похожая на пыль при беглом взгляде». Что мошкара? Что нам её игра? «Всё утро я жалела, что была/ к их радости короткой нетерпима». Мудрое великодушье. Его и в поэзии всё меньше - а уж в жизни...

Написать стихи не гладкие, а живые. И вот, вникая в книгу, я вижу проступающие контуры темы. Берег моря. Песок. Ракушки. Казалось бы - обычный пейзаж. Даже не без какой-то вовсе не сентиментальной наблюдательности: «в железных урнах/ грызли сладости/ расклеванные мухи». Идешь по берегу - и не находишь того, кто здесь был. Именно здесь видишь «и оборванный след на песке, то ли твой, то ли птичий». Книга - о жизни, которая под угрозой, которая уходит, как уходят люди. «Скоро вечер,/ и тень просочится в песок./ Станет тело без тени,/ а тень - бестелесной». Казалось бы, просто наступление вечера, но охватывает тревога. Мы помним,

И ОБОРВАНЫЙ СЛЕД НА ПЕСКЕ

где у греков бестелесные тени. Память об ушедшем возникает как бы беспричинно. «А ты идёшь, идёшь, идёшь, идёшь, -/как одинокий движущийся берег./ минувя погрузившие дома,/ стоящие всю жизнь свою на рейде». А затем - вспышка боли: «Мечта уплыть навек погребена...» И вот стихотворение, прямо посвящённое памяти отца, и в нём строки «Во мне ли, вонне - всё едино/ в этой домне бушующих звёздных энергий./ на которых замешана первородная глина». Отмечаешь какой-то «не бытовой» масштаб переживания. И обращаешься к стихотворению рядом, буквально через страницу: «Я живу вблизи океана - дикого зверя». Тот же тон! «Я живу в лагуне печалей, тёмных энергий -/ там, где чайки стучат по утрам железными клювами». И тот же масштаб - космический. Тёмные энергии космоса, и угроза, исходящая от них. В одном из стихотворений - ночь, море, и «налетели чёрные птицы-вороны,/ молчаливо склевали горсть за горстью». Но склевали то - звёзды, и теперь «в середине мира - дыра над бездною!» Это уже космический масштаб бедствия. Вот на каком фоне - об отце. И о себе (стихотворение «Сон»): «Кто-то задул моё имя:/ «ты больше здесь не

живёшь». Здесь - в этом доме, в этом городе, в этом географическом месте земного шара? Или вообще на этой земле? В стихотворении-притче «Страж», может быть, и не самом удачном в книге, - страж никого не может предупредить о грозящей завтра беде, да и город «спрятан в полночь», спит. Читая книгу, не можешь отделаться от мысли, что вся книга переполнена мировой тревогой, вся она - крик в защиту жизни. Иногда это принимает очертания эдакой космической безысходности - немного в духе Бродского - «... всё это будет длиться/ даже когда поменяется время местами/ с странством, из которого ничего не родится».

К счастью, «постбродский», столь модного в современной поэзии и, на мой взгляд, вредящего ей - в книге почти нет. У Зубаревой своя интонация, преодолевающая все влияния. Вера Зубарева - создатель и руководитель объединения русских писателей Америки «Орлита», редактор интернет-журнала «Гостиная». Она - профессор в одном из университетов США, и это, в свой черёд, тоже на её поэзии сказывается. Есть эдакий интеллектуальный шарм, создаваемый многочисленными культурными реалиями, словечками

и выражениями типа «полимерность», «нелинейный странник - мысль-Улисс», и даже «вихри небулярной материи». Особенно запомнился дважды упомянутый осенний лист, свёрнувшийся подобно ленте Мёбиуса. В одном из стихотворений она сама с иронией говорит о компании, гуляющей по берегу моря: «Все речи были книжностью отмечены,/ усиливая скуку и разлад». Тем дороже для меня то, о чём я сказал в начале статьи, - высокая простота.

В её книге много задумчиво-тихих стихотворений, но вообще-то поэт она «громкий». Помню, как критики противопоставляли громкую поэзию «а ля Вознесенский» так называемой «тихой лирике». Конечно, громкость - это не обязательно броская публицистичность и «эстрадность», а предельное напряжение души, ощущающей катастрофизм времени, напряжение голоса. У Веры Зубаревой есть стихотворное посвящение Инне Богачинской. Обе - из Одессы, обе - живут в США. У Богачинской голос порой срывается на крик. В поэзии Зубаревой больше сдержанности и, я бы сказал, горькой и мудрой трезвости. У неё появляются классические натурфилософские размышления (каковых я бы пожелал ей в будущих книгах побольше) - вот стихотворение «К ракушке», пронзительное пронзительным опущением хрупкости жизни. «Перламутр убывает./ Мне - моё. Бессмертное - морю». Вот прелестный жук: «И поле зренья занимает жук,/ чьё шумное сыпучее старанье,/ должно быть, слышится/ на много миль вокруг». Привет от Заболоцкого! Впрочем, и от многих других поэтов. Ибо пишем мы не в одиночку, выкрикивая что-нибудь своё как можно громче. Писать, находясь в поле поэтической традиции, и труд, и честь.

Илья Рейдерман

